

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 45

1981

Леонид БОЛЬШАКОВ

**СЕНАТОР ОТ ШТАТА
СОРОЧИНСК**

М О С К В А
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 45

Леонид БОЛЬШАКОВ

СЕНАТОР ОТ ШТАТА СОРОЧИНСК

*Повесть-хроника
в эпизодах, письмах, документах,
воспоминаниях и других непрдуманых
свидетельствах об Александре Фадееве*

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1981

Леонид БОЛЬШАКОВ

Леонид Наумович Большаков родился 1 января 1924 года в г. Щорсе Черниговской области. Но он по праву называет себя уральцем. В Оренбуржье он стал журналистом (тридцать лет жизни отдано работе в газетах и на телевидении), здесь в 1943-м был принят в ряды КПСС, здесь написаны все книги члена Союза писателей СССР, кандидата филологических наук Л. Н. Большакова. Он автор работ о декабристах («Отыскал я книгу славную», «Отечеству дорогие имена»), о Т. Г. Шевченко («По следам оренбургской зимы», «Годы невольничьи», «Ехал поэт из ссылки», «Добро, что нет его превыше»), о Л. Н. Толстом («Живые нити», «В поисках корреспондентов Льва Толстого», «Ваш друг Лев Толстой») и др. Новая книга Л. Н. Большакова посвящена замечательному советскому писателю и общественному деятелю Александру Александровичу Фадееву.

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ, или откуда пришло название этой повести

Год пятидесятый. Суровый, морозный март.

Писатель, известный миллионам, уже немало дней находился в Оренбуржье.

Тут его избрали депутатом в 1946-м. Тут его имя вторично назвали в 1950-м. И на душе было радостно: люди довольны, у народа в чести.

На самолете и в поезде, на машине и в санях покрывал он десятки, сотни верст по своему степному депутатскому округу. Беседы-встречи проходили то в колхозном клубе, то в избенке на краю деревни.

В одной такой избе и отыскал его однажды посыльный из ближайшего сельсовета. К дальней ферме линия не подходила, а Москва названивала, требовала: «Фадеева!» Нарочный едва перевел дух, чтобы сообщить о звонках.

Телефонный разговор был коротким.

— Вызывают в Москву, — сказал Фадеев, повесив трубку на рычаг старенького сельсоветского аппарата. — В Стокгольм надо выезжать. На заседание Постоянного Комитета Всемирного конгресса сторонников мира... Что поделаешь — в мире неспокойно!

— И чего только империалистам надобно? — покачал головой старик, который в последние часы не отходил от гостя ни на шаг. — Жаль, не договорили мы с тобою. Да ежели требуется, Лександрыч, не сумлевайся. — И тут же полюбопытствовал: — Народу-то много будет? На конгрессе энтот?

— Со всего света, отец...

— Рабочие? Мужики?

— И ученые. И писатели. И сенаторы...

— Сенаторы — это кто? — не унимался дотошный старик.

— Депутаты по-нашему...

— Так ты, выходит, сенатор?

Фадеев рассмеялся:

— Вот именно, батя. Сенатор от штата Сорочинск!

В ответ на шутку присутствующие засмеялись. Только дед был совершенно серьезен.

— А чего ж, штат у нас знаменитый — хлебный. Не чета иным чужеземным... В обчем, ехай. Потребуется — сигнал подай. Ну, хоть телеграмму отстучи. Поддержим!

...Вновь и вновь приходит мне на память разговор тот мимолетный, тридцать с лишним лет тому назад случившийся.

И слова вспоминаются: «Сенатор от штата Сорочинск».

Так быть им названием книги — не придуманной, самой жизнью сотканной.

ГЛАВА ПЕРВАЯ, вводящая в события первых дней сорок шестого

1

Газеты сообщали

...С самого утра на центральной усадьбе совхоза имени Электрозавода Новосергиевского района царит небывалое оживление. С отделений на украшенных подводах, со знаменами едут рабочие, служащие, специалисты — на собрание, посвященное выдвижению кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР.

Совхозный клуб — в лозунгах, плакатах, портретах. На сцене — шесть знамен, завоеванных коллективом в соревновании за высокие показатели в животноводстве и полеводстве.

Ровно в четыре часа дня председатель рабочкома Вера Ивановна Тучкова открывает собрание.

...На трибуну поднимается старейший учитель школы Александр Петрович Гаранин. Он говорит, что трудящимся нашей Родины широко известен талантливый писатель Александр Александрович Фадеев. Его произведения «Разгром», «Последний из удэге», «Молодая гвардия» пользуются большой популярностью в народе, на них воспитались тысячи юношей и девушек Советской страны. При всеобщем одобрении тов. Гаранин предлагает выдвинуть автора замечательных книг кандидатом в депутаты Совета Союза по Сорочинскому избирательному округу.

Так и решили: своим представителем в Верховный Совет послать писателя-коммуниста Александра Фадеева, просить его дать согласие баллотироваться по данному округу.

...Колхоз имени Шевченко, Сорочинского района: «выдвинуть товарища Фадеева...»

...имени Горкина, Пономаревского: «Фадеева...»

...«Красный меринос» Мустаевского: «поддержать достойную кандидатуру».

...Сорочинский мясокомбинат: «согласиться с мнением хлеборобов»...

В эти первые январские дни 1946-го имя писателя стало в газетах Оренбуржья одним из самых популярных.

2

Телеграмма из Москвы

Сорочинск, Чкаловской *.
Окружной комиссии
по выборам в Верховный Совет СССР

Благодарю за честь, оказанную организациями, выдвинувшими мою кандидатуру в депутаты.

Согласен баллотироваться по Сорочинскому избирательному округу.

А. Ф а д е е в.

3

Строки документа

Рассмотрев поступившие... документы о выставлении кандидатур в депутаты Совета Союза Верховного Совета СССР, Окружная избирательная комиссия... постановила:

На основании статьи 63 «Положения о выборах» зарегистрировать кандидатом в депутаты... Фадеева Александра Александровича, 1901 года рождения, проживающего в гор. Москве, члена ВКП(б), писателя, для баллотировки по Сорочинскому избирательному округу № 326...

...Включить кандидата в депутаты Фадеева А. А. в избирательный бюллетень...

Постановление было опубликовано 10 января. И с этого дня он стал кандидатом официальным.

До выборов оставалось два месяца.

* Так тогда называлась Оренбургская область.

ГЛАВА ВТОРАЯ.
начинающая повествование о встречах писателя
на земле Оренбургской

1

Из записных книжек А. Фадеева

Одиннадцатого вылетел из Москвы в Чкалов. Отсутствие летной погоды заставило в Куйбышеве пересесть на поезд.

Жаворонков, куйбышевский секретарь, прославившийся своей обороной Тулы в 1941 году, рассказывал: эвакуировали заводы, старые туляки рабочие, из тех, что имеют за плечами несколько поколений, работавших на Тульском оружейном, плакали. После того как отбили немцев, начали восстанавливать завод, наскребли остатки оборудования, пришли старики, лет по пятьдесят производственного стажа, учить молодых. Чертежи винтовки были увезены. Старики, что делали разные детали на протяжении десятков лет, собрались, восстановили размеры всех деталей до единой — по памяти.

Начальник поезда — женщина в валенках и белом вязаном платке, в форменной железнодорожной шинели с погонами.

Бегут над степью низкие тучи, зимние, неопределенных очертаний. Иногда прорвется солнце, и золотистый овал его на снегу движется по степи. Иногда в пределы его попадают обозы с сеном. Воображаю, как радостно в эти минуты и возчикам и лошадям.

Женщины везут ветви осокоря на санях, запряженных коровами, — наверно, на топливо.

Чкалов, в прошлом Оренбург, старинный город, выросший из крепости и военно-дворянского, помещичьего центра края, что наложило свою печать на архитектуру зданий с колоннами и красит город. По улицам метет буран так, что глаза режет, а в конце главной улицы, Советской, крутой откос к Урал-реке; за ней темнеют в мутном вихре голые стволы и ветви большой «зауральной» рощи, а за рощей крутит так, что уж и не видно ничего. Ветер дудит, и свистит, и сбивает с ног. Вспомнилось в «Капитанской дочке»: «Ветер выл с такой свирепой выразительностью, что казался одушевленным».

...Главные железнодорожные мастерские — база революционного движения. В 1903 году первый марксистский кружок. Рабочие участвовали во Всероссийской октябрьской стачке в 1905 году.

Большевик Кобозев (появился в 1915—1916 гг.) сыграл огромную роль как командир красногвардейского отряда, сколоченного им из разных отрядов и групп в Бузулуке и выгнавшего белогвардейцев Дутова из Оренбурга в январе 1918 года.

Записка Ленина: «Податели — товарищи железнодорожники из Оренбурга. Требуется экстренная военная помощь против Дутова. Прошу обсудить и решить практически поскорее. А мне черкнуть, как решите. Ленин».

2

Что такое «урема»

Смею заверить, что даже в Оренбуржье немногие вам скажут, как называется лиственный поемный лес, кто был родоначальником местных казаков, чем отличаются лошади башкирские от лошадей казахских, а овцы казахские от овец русских.

Он это знал.

Оказавшись в новых для него местах, Фадеев чуть ли не на каждом шагу видел непривычное, неведомое. И когда удавалось извлечь записную книжку, в ней появлялись самые разнообразные записи.

«Лиственный поемный лес по рекам зовут ...уремой. Степная акация — чилига. Степная стелющаяся вишня.

...Ближайшие родоначальники оренбургских казаков — самарские и алексеевские казаки, наделенные землей в XVII веке...

...Овцы казахской породы с курдюками. Овцы русские без курдюков. Овцы черкесской породы с мягкой шерстью».

Это лишь некоторые из тех заметок, что были сделаны им 15 января 1946 года.

Записные книжки были его постоянными спутниками на протяжении всей жизни, его собеседниками, которым поверял он свои раздумья и наблюдения.

«Художник должен... уметь очень внимательно и упорно приглядываться к жизни, чтобы изображать ее правдиво». Так говорил Фадеев. И всегда — за работой и на отдыхе, где бы ни был, что бы ни делал, оставался неутомимым, тонким наблюдателем.

...Он в Оренбурге. Ходит. Смотрит. Спрашивает. Узнает. Ни повести, ни даже очерка об этом городе Фадеев, насколько известно, не замыслил. Тем удивительнее настойчивость, с какой собирались им сведения.

В Оренбурге он пробыл считанные дни.

Да еще здоровье подвело: в пути подхватил ангину, пришлось отдать себя в руки врачей.

Впрочем, использовал «вынужденную посадку» неплохо: перечитал, кажется, все, что было написано о прошлом и настоящем края. Часть выписок вы прочли...

А все же нервничал: не для лежания ехал.

Прорвав прочный медицинский заслон, добрались до Фадеева комсомольцы.

Не сможет ли встретиться с активом? Конечно, сможет! Когда? Да хоть сегодня! Он чувствует себя вполне здоровым, врачи просто «осторожничают»!

Из областной газеты, 15 января: «Известный советский писатель А. А. Фадеев встретился вчера с активом комсомола города. Он рассказал о своей творческой работе над романом «Молодая гвардия», о лучших произведениях советской литературы, вышедших в годы Великой Отечественной войны. Комсомольский актив тепло встретил писателя».

«Я их довольно сильно покритиковал...» Это уже о другой встрече тех дней — с местными литераторами. О ней в газетах не писали, носила она характер рабочий — повстречались товарищи по литературному делу. Только один был широко известным, а остальных знали не далее, чем в городе или области. С той встречи, пожалуй, и началась оренбургская писательская организация.

...Нет, об этом нельзя не рассказать — правда, пользуясь в основном документами более поздними: письмами, посланными Фадеевым несколько месяцев спустя, в июне, из Москвы.

Итак.

Урок требовательности и дружбы

«Фадеев сделает... Фадеев нажмет... Фадеев скажет...»

Где и когда бы оренбургские литераторы ни собирались, такие слова можно было услышать непременно.

Логика мысли прослеживалась без труда: «Фадеев — генеральный секретарь Союза, в делах литературных и издательских влияние у него огромное, а коль так, то, будучи депутатом от их области, он...»

Помощь требовалась на самом деле. Писательское отделение не имело пристанища. Собиралось где придется. В поисках своего «центра» пишущие порой сбивались с ног.

А их, пишущих, становилось все больше. Иные делали успехи.

Но областное издательство «доморощенных» не привечало: очень редко выходили альманахи, еще реже — отдельные книжки. Обид накопилось много.

...Личное знакомство Фадеева с оренбургскими литераторами состоялось в январе, когда он приехал в область для встреч с избирателями. Письмо же его, написанное 24 июня того самого сорок шестого года, удивило всех пониманием и индивидуальных почерков и коллективных бед коллег из Оренбурга. Бед не только с помещением и не только с изданием...

«Письмо Вашего коллектива с жалобой на издателя Моисеева я получил, — сообщил Фадеев и сразу, без обиняков переходил к сути: — Недостатком этого письма в той части, где Вы характеризуете творчество писателей г. Чкалова, является полное отсутствие самокритики. Даже мой отзыв о творчестве некоторых писателей Чкалова Вы изложили так, будто я говорил только хорошее и лестное и совсем не критиковал...»

И он постарался разобраться в работе каждого, он задумался над их произведениями, как никто до него этого не делал.

Нравится? Так и говорит:

«Мне понравились стихи П. Строкова, особенно «Беда».

«Весна» Возняка более выдержана с точки зрения формы, чем многие другие его стихи...»

«В рассказе его (Левина. — Л. Б.) есть новизна темы, хорош образ старика на трубе, с этойкой русской затейливостью...»

Он не побоялся сравнений, даже очень смелых:

«Я бы сказал, что в Вашем отрывке (письмо адресовано Н. С. Клементьеву, руководителю отделения) чувствуется некрасовская школа, если бы не то обстоятельство, что в большинстве произведений Некрасова всегда есть еще и «второй план», как бы «подводное течение». А Ваш стих более прямолинеен, более — в лоб. Поэтому невольно возникает сопоставление Вашего стиха с никитинским. Никитин пользуется почти тем же народным словарем, что и Некрасов, похож на него «манерой», но в большинстве случаев лишен второго... С точки зрения большой поэзии — это недостаток Никитина, а стало быть и Ваш...»

Ну, а за что Фадеев «громил»? За нетребовательность. За неряшливость.

Его удручают неудачные слова — тому же Клементьеву он выговаривает за «искусственный» глагол «припеть», а молодому прозаику Гарбарю — за «небесных барашков», которые «подпрыгивают» на небе. Его задевает недоработанность стихотворений, незаконченность рассказов. «Мне кажется, Вы вообще должны относиться строже к работе друг друга и лучше редактировать то, что печатаете...»

Это разговор по большому счету.

«Тем не менее Вам, конечно, надо помочь. Я написал тов. Дени-

сову, чтобы Вас собрали в обкоме и поговорили с Вами о Ваших нуждах. Я прошу в письме, чтобы помогли Вам в издательских делах, в помещении для отделения Союза и дали денег на литературную консультацию. С другой стороны, я написал, чтобы с Вас больше требовали в смысле качества Вашей работы (и в части Вашей литературной работы, и в смысле общественном). Вам надо периодически устраивать литературные вечера в городе и на местах — с хорошими литературными докладами, с читкой своих произведений. И надо, чтобы у вас работала литературная консультация для начинающих».

Письмо первому секретарю обкома...

Значит, Фадеев не ограничился этим обращением непосредственно к литераторам. Было еще одно: и с критикой и с предложениями. Суть его он изложил сам, но хотелось прочесть своими глазами от начала до конца.

Такая возможность представилась в Москве, в Центральном государственном архиве литературы и искусства: туда поступила обширная депутатская переписка Фадеева.

Среди многочисленных копий фадеевских писем первого года депутатства — письмо к Г. А. Денисову:

«Направляю Вам коллективное письмо чкаловских писателей, мне адресованное.

Мне кажется, что группу чкаловских писателей следовало бы созвать в обкоме, выслушать их и помочь им в издательских делах.

Письмо их одностороннее, в нем не хватает самокритики, они могли бы и должны были бы получить ее на этом же совещании в обкоме.

... Со своей стороны я обещаю:

1. В течение 1946 г. организовать поездку группы хороших писателей из Москвы в Чкалов для того, чтобы осветить в прессе большую строительную работу чкаловских рабочих и колхозников и парторганизаций, а попутно — помочь местным писателям.

2. Вызвать в Москву группу чкаловских писателей для того, чтобы вместе с ними обсудить их произведения при участии видных советских писателей.

Мне кажется, если Чкаловскую литературную группу хорошенько покритиковать, а с другой стороны, помочь ей в издательских делах, дать ей помещение, отпустить средства на литературную консультацию и сделать работу группы общественно заметной, — она, эта группа, сможет быть полезной в культурно-воспитательной работе Чкаловской партийной организации».

...Со времени получения этих писем минуло много лет. Оренбургские писатели создали десятки романов, повестей, пьес, стихотворных книг. В области их знают, с ними считаются. А урок, преподанный Фадеевым, не забыт. О нем помнят ветераны, его передают новичкам.

Урок требовательности и дружбы.

Пробыл он тогда в Оренбурге считанные дни.
Кандидата в депутаты нетерпеливо ожидали в его избирательном округе...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, которая служит прямым продолжением предыдущей

1

Из записных книжек А. А. Фадеева

Первый раз вылетели из Чкалова в Пономаревку — дальний район на границе с Башкирией — шестнадцатого. Вернулись из-за тумана. Семнадцатого долетели. Зимой вид на степь унылый. Редкие некрупные поселения с их белыми снежными крышами едва различимы по балкам. Кое-где редкие кустарники и лески. Следы комбайнов на полях.

В колхоз имени Горкина — на пароконных санях — гусем. Ямщик с светлой бородой: «Прямо!.. Эй.. Побью!..» Очень ловко работает справа длинным бичом, чтобы достать до передовой. Коренник, как обычно, в оглоблях, с дугой. Вожжи, ременные, закинута за спину под мышку ямщика — он задерживает коня, откинувшись назад. Передовая в хомуте, гужи продеты в кольца, свисающие с оглобель коренника у дуги, и прикреплены к оглоблям позади, а изредка прямо к саням. Веревочные вожжи в руках у ямщика. Передовая часто бунтует, рвется в сторону, бьет коренника. Впрочем, он тоже, когда она чуть отстанет, засекает ей задние ноги. Один раз очень лихо опрокинулись посреди деревни.

Колхозники во главе с тремя стариками, двое совсем древних, встретили хлебом-солью.

Угощали бараниной и поросятиной и «христовыми анучками» (свернутые блинчики со сладкой начинкой). Дочь хозяйки — необыкновенная красавица с черными бровями и яркими губами. Вообще в оренбургских деревнях много красивых, статных женщин.

Избы обмазаны глиной, большей частью крыты соломой. Иногда основой избы является все же деревянный сруб, иногда они сложены из толстого кирпича из глины и соломы — «самана». Сарайчики, пристройки большей частью саманные. Коровы часто в укрытии — плетушке, закиданной соломой, с открытым входом, — такие у нас на Дальнем Востоке зовут «пунькой».

Большие сугробы, поземка, здесь говорят — «буранчик»...

Фадеев летит в Пономаревку. Вылетать приходится дважды — в первый раз самолет из-за тумана возвращается обратно. Но глаза писателя «пробивают» и туман: «Зимой вид на степь унылый...»

Такое можно разглядеть лишь с высоты. А вот это — «земное», но его увидишь только из саней: «Ямщик со светлой бородой: «Прямо!.. Эй... Побью!» Очень ловко работает справа длинным бичом, чтобы достать до передовой...» Да тут же целая картина — и какая живая!

Память нуждается в подсказке. Когда-нибудь, когда это потребуется, необычное название — «христовы анучки» — напомним Фадееву не только о блинчиках со сладкой начинкой, а и о шумном дружеском застолье в сельской избе. И не лишним, совсем не лишним окажется подробнейшее описание самих изб.

...Записные книжки... Как много можно узнать, разбирая их странички!

2

Пономаревка: из воспоминаний А. Морозова

Когда вдали показался самолет, по рядам прокатилось: «Фадеев!» Несколько минут спустя мы увидели его сходящим по трапу.

Здороваясь, он встревоженно спрашивал: «Долго ждали? Не замерзли?» А народ окружал все плотнее, не было, казалось, конца рукопожатиям и приветствиям.

Первая беседа состоялась в райкоме партии.

Александр Александрович живо интересовался делами колхозными, зимовкой скота, подготовкой к севу, работой школ, бытом сельчан.

Тем временем к зданию кинотеатра съезжались представители со всех сел. Сидя в президиуме, Фадеев внимательно слушал каждое выступление, записывал в блокнот наказания, а затем получил слово сам. Поблагодарив за доверие, он горячо, образно говорил о задачах, которые ставит Коммунистическая партия перед советским народом, особенно в деле подъема земледелия и животноводства. Он рисовал перспективы на будущее, когда народ, залечив раны, нанесенные войной, заживет счастливо, будет производить вдвоель хлеба, мяса, молока и других продуктов. В ближайшем будущем мы станем свидетелями небывалого расцвета — эти простые, всем понятные слова глубоко запали в душу каждого.

Кончились деловые разговоры. Молодежь окружила Фадеева. Писатель отвечал на вопросы, шутил...

На другой день утром Фадеев выехал к избирателям в Новобогородск. Хлеборобы радушно встретили писателя. Убеленные сединой, всеми уважаемые колхозники Иван Тимофеевич Мелихов, Павел Илларионович Складчиков и Дмитрий Павлович Лепешкин преподнесли дорогому гостю по старинному русскому обычаю хлеб-соль.

В здании семилетней школы состоялась встреча с колхозниками, механизаторами, интеллигенцией. Общаясь с людьми, Фадеев старался не только записать все наказы, но и разрешать некоторые на месте. Так, в Новобогородске к нему обратилась жена погибшего фронтовика Анастасия Тихоновна Шевякова:

— У меня трое малых детей, работать постоянно не могу, жить тяжело, а колхоз не помогает.

Фадеев внимательно выслушал жалобу и, обратившись к председателю колхоза, сказал:

— Помогите женщине, окажите поддержку хлебом, кормом, а уж она, в свою очередь, вас не подведет.

Колхозники пригласили писателя отведать их хлеб-соль. После простого, вкусного и по-русски обильного обеда продолжалась непринужденная, откровенная беседа.

А через час, тепло попрощавшись со всеми, Фадеев сел в сани и поехал в совхоз «Пономаревский».

Пономаревка: из воспоминаний П. Мишина

... Эта встреча была «внеплановой».

Получилось так.

Узнав, что Фадеев к нам не заедет, рабочие совхоза пришли в контору и попросили: походатайствовать, чтобы маршрут его пролегал и через наше хозяйство. Сделать это уполномочили меня как секретаря парторганизации.

Дорога была плохая: снегопад не прекращался в течение нескольких дней. Однако лошади бежали скорой рысью, и двенадцать километров мы проехали меньше чем за час.

Всю дорогу волновала мысль: смогу ли выполнить поручение? Как отнесется гость к просьбе рабочих?

Фадеева я узнал сразу. Он был таким же, каким видел я его на портрете. Сейчас он стоял в большом овчинном тулупе, в шапке-ушанке, простой, улыбающийся. И как-то разом пропала моя робость. Поздоровавшись, я изложил цель приезда.

— Товарищ Меркушев,— обратился Александр Александрович к секретарю райкома,— вот представитель совхоза, просит заехать; по-моему, это нужно сделать, там рабочие ожидают.

- Погода плохая, да и запаздываем,— ответил секретарь.
— Нет, так не годится. Мы должны быть там, коли просят.
Он на своем настоял.

В совхоз прибыли перед закатом солнца. Красная полоса на западе освещала горизонт, а поземка непрерывно лизала Маховскую гору. Несмотря на холод и пургу, на центральной усадьбе нас ожидали и старые и малые.

Открыли митинг. Фадеев говорил о том, что было близко каждому. О Советской власти, о борьбе за нее, вспомнил партизан Дальнего Востока и Сибири, с уважением сказал о тех, кто утвердил власть рабочих и крестьян в Оренбуржье. Об Отечественной войне сказал и низко поклонился недавним фронтовикам — теперь его избирателям. Но больше всего остановился на жизни послевоенной. О страшных разрушениях, оставленных фашистами, говорил так, что ни у кого не осталось сомнения: видел это своими глазами, знает не понаслышке. И о задачах земледельцев Пономаревского района на первый послевоенный год и годы будущие вел речь не общими словами, а конкретно, со знанием-пониманием, будто прожил тут не один год.

Слушая Фадеева, мы и не заметили, как подкралась ночь.

В ожидании позднего ужина — перекусить-то надо было — кандидат в депутаты еще долго беседовал с рабочими и специалистами в кабинете директора. Когда же тот обеспокоился, что большое скопление людей гостя утомляет, Александр Александрович заявил:

- Откройте двери пошире, пусть слышат все желающие.
Разговор продолжался и тогда, когда прошли в столовую.
— Тяжело с запрессовкой гусениц тракторов, делаем ее вручную,— вздохнул заведующий ремонтными мастерскими Гусев.
— Освоили уже неплохо,— откликнулся комсомольский секретарь Степан Демян. И похвастался: — У нас некоторые ребята по тридцать — тридцать пять ударов без отдыха делают!
— Богатырей на Руси всегда много было...— проговорил Фадеев.— Только силу с умом тратить надо. Пресс в таком деле лучше. Покупать его надо. Ежели что — помогу...

Первый тост был поднят за партию, которая организовала полный разгром фашистских захватчиков. Его предложил Александр Александрович и горячо подхватили все.

Понравилась гостю наши пельмени — не преминул рассказать, как готовят их в Сибири.

А когда запели песни, тут среди многих голосов был и его. Толк в народной песне он знал, чувствовал ее тонко...

О Фадееве, о песне (небольшое отступление)

В 1957 году в издательстве «Советский писатель» вышел толстенный том в строгом переплете — А. Фадеев «За тридцать лет».

Есть в этом томе раздел, названный самим писателем «Субъективные записки». Это выбранные из записных книжек записи о писателях — классиках и современниках. Острые, страстные, полемичные...

А что он думал об устном творчестве народа? Что любил в нем? Как к нему относился?

В томе об этом нет. В записных книжках периода оренбургской поездки — есть.

...«Как запоешь скоморошину, так вся изба плясать пошла». Метко сказала Фекла Федоровна Гуляева, он даже не утерпел и записал.

Изба на самом деле плясала. Пляска — то плавная, раздольная, то горячая, с притопом — стихала только тогда, когда заводили песни. Были те песни одна другой лучше...

Фадеев скоро заметил-выделил двух певуний и взял на заметку, для памяти: Анна Кудрина, Ганя Шилова. Бесконечное множество песен знали они, и не было такой, которую пели бы без души.

Участники того чудесного вечера в селе Донецком с охотой припоминают, как молодо блестели глаза у их московского гостя и как, уходя, он сказал: «Сколько живу, а лучше ваших песен не слыхивал».

Может, и не этими словами поблагодарил Фадеев певуний. Да только в словах ли дело? Потом, позже, обдумывая свои впечатления, он записал:

«Свадебные песни их жизнерадостны, без «чуждеальной сторо-нушки», и жених — не «чужой чужанин». Наоборот — невеста тоскует по жениху:

Без тебя, милый, постеля холодна,
Одеяльце заиндевело,
Подушечка потонула во слезах.

И только одна песня у них с мрачной перспективой:

И всю я ноченьку продумала,
Всю я темну прогадала
И как мне, горькой, в чужих людях жить?
И как мне, горькой, на них угодить?
Пойдешь шибко — скажут: босомыка;
Пойдешь тихо — скажут: недодвига.

...Говорят. Песня — душа народа».

Знакомясь с народным творчеством, он стремился к лучшему пониманию душевного склада тех, с которыми породнила его жизнь.

По настоятельной фадеевской просьбе для него подобрали библиотечку оренбургского фольклора. Сборникам этим он обрадовался искренне. Читал, используя для этого любую свободную минуту. Кое-что для памяти записал.

«Сказочница Агафья Киреевна Душкина (ст. Александровка Бузулукского района). «Солдат Хват и королева Чикиса», «Нужда», «Поп и работник», «Дед Мороз и девчонка». Герои ее сказок — всегда бедные, умные, честные, храбрые люди. Агафья Киреевна исходила всю Россию, была в Москве, в Киеве, она была даже в Палестине, ходила ко гробу господню. Она сейчас умерла. К сожалению, учитель Наливкин, записавший около пятидесяти ее сказок, допустил их стилистическую обработку и подпортил. Она — сказочница-моралист. Начала и концы ее сказок — прямые и простые, без традиционных зачинов и концовок...»

Не просто заметки «на всякий случай» — анализ!

А вот наблюдения над построением изустных народных преданий. «Сказочница Февронья Мартьяновна Елисеева (с. Покровское). «Мужичий царь» — о Пугачеве. Она слышала это предание от сто двадцатилетней «старенькой бабки своей» еще девочкой:

— Залезем все на печку, за окном вьюга воеет, словно пес цепной, ветер страшно свищет. А мы сидим на печке-то, и нам тепло, хорошо. Бабка поглядит на нас, засмеется этак, мил мой, тихонько начнет нам рассказывать разные сказки. Про чего только не рассказывала: и про змиев, и про лешиев, и про русалок, и про царевичей, и про волков, и про многое другое. А мы сидим и слушаем. Нам страшно, страшно... за окном-то метелица метет, ветер воеет, как в котле громадном кипит, на улице страшно, жутко нам от этого, а в сказках еще страшней. А бабка прижмет нас к себе, засмеется и скажет ласково: «А вы, дурнушки, не бойтесь. Ведь это — сказка, а в сказке-то не все правда». Ну, у нас страх-то немного пройдет.

Это у Февроньи Мартьяновны зачин. А потом идет сказка...»

Тонкий знаток слова, его ритма, его музыки, Фадеев восхищался родниковой чистотой народной речи. Речи, которая не знает фальшивых нот — простой и образной.

... Я побывал во многих из тех мест, что названы в его записной книжке. И, конечно, в Донецком, где Фадеев с упоением слушал сельских певуний.

— Так он и сказал: «Сколько живу, а лучше ваших песен не слыхивал», — с волнением подтвердила одна из них, Ганя Павловна Шилова. — А уж он в песне толк знал. Сам-то как пел, знаете? Как завел старую казачью, так, поверьте, слезы на глаза навернулись. Вот

эту: «Любо, братцы, любо, любо, братцы, жить, с нашим атаманом не приходится тужить». Жаль только, сказал, что в кинофильме «Пархоменко» ее махновцам отдали. Обидели честную, народом сложенную песню!

Этим свидетельством я и закончу рассказ о Фадееве-фольклористе, знатоке народного творчества. Закончу, чтобы возвратиться к нему, как кандидату в депутаты.

4

Пономаревка: из воспоминаний А. Дерябина

В нашем районе — первом на путях предвыборных встреч — и постиг, наверное, Александр Фадеев, что такое степь оренбургская. Быстрая езда как бы возвращала его к годам молодости.

— Я за свою жизнь второй раз еду на таких рысаках, — сказал он однажды. — На Дальнем Востоке, в юности, и вот сейчас...

Мы знали, как дорог ему Дальний Восток, и приятно было, что Оренбуржье отныне становится для писателя местом не чужим — близким.

Перед отъездом Фадеева мы попросили его сфотографироваться с нами — на память. Он дал согласие. Приготовились к съемке.

Заметив слишком серьезные лица (а лучше сказать — постные), Александр Александрович сказал, обращаясь ко всем:

— После такой победы в войне советский человек должен смотреть на мир гордо, весело. — И повторил: — Весело! Гордо!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, или штрихи январских и февральских дней

1

Дорожка на снегу

Конфузную эту историю рассказал мне...

Впрочем, имени того человека я называть не хочу. Хорошо помню, с каким смущением говорил он о своей промашке. Так зачем же лишний раз вводить его в краску?

...Саннный поезд ждали с минуты на минуту. У моста, вдоль дороги, собрался весь Сорочинск. Кандидата знали по газетам, по книгам, по портретам. Тем более хотелось повидать, услышать, может, даже словом перекинуться.

— Товарищи, будьте сознательны... Товарищи, соблюдайте... — слышались на мосту уже осипшие голоса организаторов встречи.

Если бы лето — забросали цветами. А какие цветы зимой? Летом без особых хлопот можно было бы сообразить и дорожку из зелени, из цветов. А какая дорожка на снегу? Думали-гадали устроители и придумали: протянуть по снегу ковровую полосу. Дорожек во всех районных учреждениях набралось метров двести. До трибуны был добрый километр. И все же от затей не отказались. Рассчитали так: пройдет гость сколько-то там метров, дорожку за спиной скатают, в руки — и вперед.

О встрече рассказывать не стану. Была она очень торжественной, очень радушной. Как десятки, как сотни в те дни перед первыми послевоенными выборами. С оркестром, с хлебом-солью — по всем правилам русского гостеприимства.

Я расскажу только о дорожке. Люди наблюдательные утверждали: при виде ее Фадеев сдвинул брови. Другие клялись: такого не было. Сходились на одном: когда пунцовые красавицы взяли гостя под руки, хмуриться он уже не мог.

Фадеев отвечал на приветствия, иногда что-то говорил девушкам, улыбался и кивал людям.

А сам... сворачивал с дорожки.

Когда он сделал первый шаг в сторону — не заметили даже спутницы. Да это и неудивительно: от гордости они не чуяли под собой ног.

Фадеев же, ступив в снег, будто свалил с себя что-то гнетущее. Дорожки поспешно сворачивали, но раскладывать больше не пытались...

...После многих ораторов на митинге выступил Фадеев. Говорить с тысячами — дело трудное. Но он вел речь о близком — борьбе за мир, насущных заботах народа, делах и долге хлеборобов. И, казалось, разговаривал с каждым в отдельности.

Под конец Фадеев снова поблагодарил за доверие.

— Мы, депутаты, слуги народа. Ваши заботы — это и мои заботы. Ваша земля — моя земля. Я хочу ходить по этой земле вместе с вами, знать все ваши нужды, помогать строить жизнь. Постараюсь приезжать чаще. — И с улыбкой закончил: — Без всяких парадных встреч, вроде сегодняшней.

2

Сорочинск: из воспоминаний М. Кузнецова

Колхозники сельхозартели имени Шевченко были в числе тех, кто первым назвал Александра Александровича кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. С нетерпением ждали они дорогого гостя и искренне обрадовались его приезду.

Старейший колхозник — 85-летний Федор Семенович Полторычко преподнес Фадееву хлеб-соль. Они троекратно расцеловались. Затем писатель низко поклонился всем присутствующим.

После небольшого митинга завязалась непринужденная беседа. Фадеев интересовался жизнью колхозников, их трудовыми успехами, передовиками артели, вникал в неполадки.

Когда собрались уезжать, был уже поздний вечер. Мы заторопились: завтра день новых встреч, притом весьма и весьма напряженный, Александру Александровичу надо отдохнуть. Но как раз в это время появились молодожены — Тютюнник и Хорошко. У них играли свадьбу. «Просим вас в гости — поздравить нас...» Приглашение застало врасплох. Как быть? Смотрим на Фадеева. А он улыбнулся и сказал: «Спасибо за честь, приду...» Выехать удалось лишь далеко за полночь. В дороге писатель не раз возвращался к впечатлениям дня. Особенно запали ему в сердце беседы с Варварой Васильевной Тютюнник и Клавдией Федоровной Сулименко — знатными свиноводками, награжденными перед тем орденами. «Вот о ком надо писать книгу...» — задумчиво проговорил Фадеев. «Мне очень хочется написать о людях села», — сказал в другой раз...

3

*Из интервью А. Фадеева корреспонденту
районной газеты «Колхозный труд»*

...В плане дальнейшей работы — большая повесть «Гурты». Тема повести посвящена колхозной молодежи, ее трудам в дни Великой Отечественной войны. Представьте себе, что из Смоленской области в момент наступления немцев перегоняют скот, скажем, в колхозы Ярославской области. После разгрома фашистов колхозники возвращаются в родные места. На этой несложной основе я хочу нарисовать ряд ярких характеров...

*Из письма комсомольцам.
посланного в октябре 1946 года*

...Мне уже вряд ли удастся написать книгу о войне Красной Армии, героически прошедшей от Волги до Берлина. Передо мной стоит задача — показать современную колхозную деревню...

...Колхозный роман — главным образом о колхозной молодежи — стоит только еще в моем плане. В настоящее время я работаю довольно интенсивно над романом о наших советских металлургах.

4

Арифметика со смыслом

Еще из окна вагона подметил Фадеев непривычный для его глаза транспорт. Подметил и записал: «Женщины везут ветви осокора на санях, запряженных коровами — наверное, на топливо». Эта деталь могла пригодиться. Было в ней что-то необычное, даже экзотическое.

Иное оказалось теперь...

...В прокуренном райкомовском кабинете обсуждался план полевой. Деловой план весенних работ, уже очень скорых. Они приближались с торопливой неумолимостью, и нельзя было сказать им: «Подождите, повремените», нельзя было по-дружески подать знак: «Не все готово — потом...»

Разве «потом» будет легче? Невесть как свалются с неба новенькие тракторы, добрый волшебник единым взмахом своей палочки вызовет из небытия сокровища-запчасти, и, словно в сказке, станут один к одному тридцать три богатыря, которым ничем любое дело?

Первая мирная весна обещала быть трудной.

Об этом который день подряд и говорили в продымленном секретарском кабинете. Сейчас здесь находились члены бюро, кто-то из инструкторов обкома и Фадеев. Ему нездоровилось — снова простудился, но лечь отказался наотрез и внимательно прислушивался к разговору.

Разговор шел о коровах.

Тракторы за войну в районе сильно обветшали. Возлагали надежды на подкрепление, но заявки урезали, и платформы с тракторами проходили мимо станции Сорочинской — на запад. Головки блоков, коробки скоростей и прочие узлы для замены негодных рекомендовалось реставрировать, хотя и без того над ними колдовали не по одному разу. А ко всему не хватало трактористов. Не то что на две смены — даже на одну-единственную. Как ни судили, выходило одно: пахать на коровах и нынче.

— Директива на сей счет требуется, и самая твердая, — нажимал заведующий районным земельным отделом. — Прошлой весной, вопреки нашим указаниям и несмотря на условия военного времени, во многих колхозах наблюдалось, я бы сказал, преступное игнорирование коров, и такое безобразия, такое возмутительное игнорирование...

Фадеев сидел молча, подперев рукой голову, и только по внимательному взгляду было видно: думает вместе со всеми.

— Скажите, пожалуйста, — посмотрел он вдруг на заведующего райземотделом. — Да вы, уважаемый товарищ... Сколько лошадиных сил в тракторе?

— Каким именно, Александр Александрович? — всем своим видом заведующий выражал готовность дать самый обстоятельный ответ на вопросы почетного гостя. — Я хотел бы только уточнить марку: «СТЗ — ХТЗ»? «СТЗ — НАТИ»? «ЧТЗ»?

— Я интересуюсь всеми марками, которые имеются в вашем районе. Но если обо всех затрудняетесь, скажите о «ЧТЗ».

Он нетерпеливо постукивал толстым карандашом по столу.

— Охотно, охотно... — заторопился руководитель земельного отдела. — Трактор «ЧТЗ» — 60 лошадиных сил. Мощность имеется в виду проектная...

— Проектная? — усмехнулся Фадеев. — Ну, а какова проектная мощность... коровы?

Лицо зава выразило недоумение.

— Как понимать ваш вопрос, Александр Александрович? — проговорил он, не скрывая удивления.

— Буквально. Хотя бы в лошадиных силах.

— Коровы в... лошадиных?

— Вот-вот.

Фадеев не шутил и переводить разговор в шутку не собирался.

— Вероятно, не более половины, — ответил райземотделец. И тут же уточнил: — Смотря какая корова попадется...

Он все еще не мог понять, куда Фадеев клонит. На обычную писательскую любознательность его расспросы не походили.

А тот продолжал:

— Сколько вспашки можно произвести одной коровой? Рекордсменкой? Обыкновенной буренкой?

— Сколько гектаров падает на трактор? За сезон? За сутки?

— Сколько делают лучшие? «Середнячки»? Новички?

Разговор стал общим. Руки потянулись к карандашам.

— Правильно, займемся арифметикой, — кивнул головой Фадеев. — Итак, коровами можно вспахать...

Арифметика получалась со смыслом. Подсчеты убеждали, что на коровьи «лошадиные силы» ставку делать не стоит. Минимальная прибавка выработки на каждый трактор покрывала все, что предполагалось сделать с помощью коров. Покрывала и перекрывала...

Разговор продолжался. Но был он уже не о коровах, а о тракторах. В райкомовском кабинете думали о том, как лучше использовать технику.

«...Сев мы почти всюду закончили нормально. В большой степени этому способствовала арифметика. Подсчитывали тогда не зря. Придя к разумному выводу, мы нашли главное звено — не вылезали из тракторных бригад, организовали между ними соревнование, развернули движение за высокую выработку днем и ночью. Это решило успех. Ухватись мы тогда не за руль трактора, а за коровий хвост — быть беде!»

5

*«Лекция тов. Фадеева»
(из отчета в районной газете)*

5 февраля кандидат в депутаты Верховного Совета СССР писатель А. А. Фадеев прочел на собрании интеллигенции города лекцию о советской литературе в годы войны и в послевоенный период.

— В годы Великой Отечественной войны, — говорит т. Фадеев, — советская литература сыграла большую и почетную роль в достижении победы над немецко-фашистскими захватчиками. Своим художественным словом наши писатели помогали народу распознавать звериную сущность фашистских разбойников, поднимали на священную борьбу с захватчиками, на ратные подвиги во славу Отчизны...

...Тов. Фадеев говорит о таких значительных произведениях наших поэтов, написанных в послевоенные годы, как поэмы Николая Тихонова «Киров с нами», Павла Антокольского «Сын», Маргариты Алигер — «Зоя», Аркадия Кулешова — «Знамя бригады».

Советская проза и драматургия также во время войны обогатились значительными произведениями. Сюда можно отнести повесть В. Василевской «Радуга», пьесу А. Корнейчука «Фронт», повесть Б. Горбатого «Непокоренные» и др.

Книги К. Симонова «Дни и ночи», В. Гроссмана «Народ бессмертен» долго будут жить в памяти народной...

...Говорят, продолжает т. Фадеев, что, когда гремят пушки, молчат музы. Не так было у нас. Наши писатели и поэты под гром пушек создали замечательные произведения. Об этом свидетельствует опубликованное на днях в печати Постановление Совнаркома СССР о присуждении Государственных премий за выдающиеся работы в области искусства и литературы за 1943—1944 годы.

Сейчас, после победоносного окончания войны, наша литература стоит на пороге нового замечательного расцвета.

«Историческая у вас сцена...»

— Ты Метелицу подавай. Метелицу, а не Щукаря! Кабы Шолохова выбрали — дело другое. Или не разбираешься?..

Нет, он, конечно, разобрался. Александр любил и «Разгром» и «Поднятую целину», но вслух, со сцены, читать отрывки из фадеевского романа не брался. В концерт его не включили. И впервые за долгое время оказался он среди зрителей.

Зато сидел за Фадеевым!

Один номер сменялся другим. Товарищи пели, декламировали, танцевали. Переполненный зал встречал своих артистов горячо. Правда, и выступали они с воодушевлением. Еще бы — в зале находился Фадеев. По душе ли все это ему?

Тревоги были напрасными. Фадееву концерт нравился. Аплодировал он дольше других, смеялся от души. А когда началась пляска, показалось: писатель с удовольствием рванул бы в круг. Тут Александру и вспомнился давний рассказ старого красноармейца. Вот бы поделиться с Фадеевым...

— Сам Чапаев на этой сцене плясал, — сказал он, подавшись вперед.

— Чапаев? — повернул голову Фадеев.

Александр, как говорится, «сел на любимого конька». Краевед по призванию, он знал местную историю досконально и, уж если находил слушателя, говорить мог часами.

Шепотом рассказывал он о том, как Чапай выступал на митинге бойцов, а когда вышли лучшие плясуны и стали выделывать замысловатые коленца — скинул с себя бурку, ударил папашой о пол и задал такого трепака, что ахнули все.

— Историческая у вас сцена, — проговорил Фадеев, аплодируя только что законченному номеру.

Когда объявили перерыв, он пригласил Александра прогуляться. Разговор продолжался: о Чапаеве, о чапаевцах.

— Записывать такое нужно. Обязательно записывать. Да тут у вас материала на книгу... на музей...

Потом, посмотрев на собеседника, Фадеев сказал:

— Знаете, у вас талант рассказчика. Почему не выступаете? Стесняетесь?

— Выступаю, — смущенно улыбнулся Александр.

— А сегодня?

Пришлось рассказать.

— Значит, виноват я? — развел руками и рассмеялся. — Метелицу им подавай? Щукаря — побок?

Помолчав, продолжал:

— А я очень люблю Шолохова. Это замечательный писатель. Талантище!

На этом разговор оборвался.

Фадеева окружили люди, и Александр отправился к товарищам. Там, за кулисами, и нашел его тот, который настаивал на Метелице и возражал против Щукаря.

— Твой номер включен, — бросил он с ходу. — Первым пойдет. — И многозначительно, с таинственной торжественностью добавил: — По просьбе самого товарища Фадеева!

Несколько минут спустя Александр вышел на сцену, чтобы представить людям знаменитого шолоховского деда. Притихший было зал вскоре заклокотал смехом. В первом ряду светло улыбался Фадеев...

ГЛАВА ПЯТАЯ, повествующая о новых и новых знакомствах

1

Избирателями они не были...

Избирателями они не были, и встреча с ними не предусматривалась. А они хотели с ним встретиться. Хотел и он.

— Да, завтра, Александр Александрович, у вас три плановых мероприятия. На карту посмотрите. До этого колхоза сорок километров. Встреча... Осмотр хозяйства... Выступление... Потом переезд — и снова встреча. Ну, а вечером доклад о литературе. Люди ждут, все объявлено. Невозможно!

Но в синеве фадеевских глаз была неумолимая твердость.

— Для них я пишу, для них я живу. Эка важность — «не избиратели». Будут избирателями! Хозяевами страны будут! И им-то пожалеть час-другой?

Фадеев положил руку на плечо седого агитпроповца.

— Все успеем, — сказал он мягко. — Выезжать решили когда? В десять? Так вот, ребята соберутся в восемь.

...В восемь он вошел в класс. И первое, что заметил, схватил его взгляд, были газетные листы на партах. «Комсомольская правда» с его романом...

Держать речь он не готовился. Не знал даже, с чего начнет. Все пришло само собой.

Он подошел к парте, взял газету — и в класс будто влетел буревой ветер Краснодона, ворвалось дыхание военных дней и ночей.

Фадеев читал вполголоса, просто. Но это не было ни обычным перечитыванием написанного, ни привычной проверкой звучания слова. Он будто снова перелистывал страницы недавнего прошлого, любовался героями-молодогвардейцами, поверял свое, сокровенное.

Дочитал кусок до конца. Дальше стояло: «Продолжение следует». Откуда-то с «камчатки» из рук в руки шел к нему другой газетный лист — наверное, с продолжением.

Фадеев газету взял, но сразу же и отложил.

— Еще! — прошелестело по рядам.

Тогда писатель протянул руку к боковому карману и достал пачку листов: это была корректура заключительной, еще не опубликованной части «Молодой гвардии».

«Друг мой! Друг мой... Я приступаю к самым скорбным страницам повести...»

Последние страницы... Он читал так, словно только что узнал обо всем сам и вот теперь впервые решил поделиться с самыми близкими своими друзьями.

Разговора о литературе не было. Не говорил Фадеев и напутственных слов. Он только читал. «Молодую гвардию» читал молодым...

...Это произошло в школе совхоза имени Электrozавода. Тридцати или сорока ребятам, которые его слушали, эти два часа запомнились на всю жизнь.

2

Из записных книжек А. Фадеева

О. Г. — председатель районного исполкома. Маленькая, пузатенькая, скуластая, с умными черными глазами и властными руками. Даже трубку телефона берет как хозяйка.

В г. Сорочинске старушка живет одна с дочкой. Плачет о погибшем сыне-танкисте. «Муж мой уж девятнадцать лет, как помер. Через год я сына женила, насильно женила, он меня послушал, женила, чтобы дом укрепить. Да жили они хорошо».

Директор совхоза и его жена. Помещики. И очень типичные именно для помещиков. Он — зубр. А она — работает под столичную даму, светскую даму. Но он в самом деле — настоящий хозяин. И совхоз — настоящее предприятие. Работники в совхозе прекрасные. Судя по всему «помещик» был работником покрупнее, попал «пониже» оттого,

что проштрафился, и тут ему понравилось. Все у него есть, работать здесь ему — по его хозяйственной сноровке и по размаху — нетрудно. Но чувствуется, что для себя он тоже не щадит государственного добра.

*Словесный портрет
(или комментарий к последней записи)*

Есть у криминалистов понятие: словесный портрет. Всегда ли портрет этот помогает следователям — не знаю. А я... я в него уверовал основательно. И не без посредства Фадеева.

...В конце января 1946 года в его записной книжке появились те несколько строк, которые приведены чуть выше.

Прочел я их и подумал: программа первой предвыборной поездки кандидата в депутаты была напряженной, задерживаться на одном месте возможности он не имел, а ведь раскусил же эту пару, да такой портрет составил, что в нем несложно разглядеть и судьбу супругов, день их завтрашний.

...— Гадаете, сколько времени потребовалось для всего этого Фадееву? Часа три. В общем, вечер.

— Так вы, значит, их узнали?

— Да по такому описанию узнает любой...

Я убедился в этом, предьявляя «словесный портрет» доброму десятку людей. Одни смеялись, другие суровели, но каждый называл: «Чета И.»

Никто не помнил, чтобы он расспрашивал о И., пытался узнать — от самого ли, от других — о жизни его в прошлом. Не было этого ни во время официальной части, ни за ужином, которым заправляла директорша.

— А распознал все. И то, что работал некогда на большом посту, и что талант организатора имеет, и что жизнь свою, не без воздействия жены, устроил полегче да попышнее. Мы оказались тогда менее зоркими, чем Фадеев. И вот проглядели...

— Что именно?

— Рождение помещиков... Ну, а коммунисту и помещику ужиться в одном человеке невозможно! Опомнился, да поздно...

— Совсем поздно?

— Это как смотреть. Пожалуй, нет. Пришлось ему, верно, начинать и с бригадира и с кандидата партии. Потом, управляя отделением, вернул себе партбилет, а там и снова хозяйство доверили — запущенный-презапущенный совхоз. Вытянул!.. Писать будете — фамилию не называйте: другим человек стал.

Сколько их было — митингов и собраний, встреч официальных и «незапланированных», самых задушевных бесед и знакомств что ни есть разных.

Скромные «районки» поместили на своих страницах десятки писем избирателей о своем кандидате в депутаты.

Хотим быть, как герои «Молодой гвардии».

Мы все трое — Пелагея Бакардинова, Антонина Сухарева и Раиса Зверева — учимся в Сорочинском ветеринарном техникуме. Недавно нам исполнилось по 18 лет, и мы получили право участвовать в большом государственном деле — выборах в Верховный Совет СССР.

...Кандидат в депутаты А. А. Фадеев — наш любимый писатель. Каждая из нас прочла все его книги, но самое большое впечатление произвела «Молодая гвардия», печатаемая сейчас в «Комсомольской правде». Если бы тов. Фадеев знал, с каким нетерпением мы ожидаем выхода этой книги в свет...

Мой голос товарищу Фадееву

Александр Фадеев — народный писатель. В своих произведениях он призывает советский народ горячо любить свою Родину.

Мне вспоминаются 1941—1942 годы. Враг блокировал Ленинград. Связь с Большой землей была нарушена. Ленинградцы лишились топлива, хлеба.

В эти дни в Ленинград приехал А. А. Фадеев. Кровью сердца написал он свои очерки о мужестве и стойкости горожан. Читая их, мы еще горячее рвались в бой.

...Я с радостью отдам за него свой голос.

Орденосец Сулименко

* *
*

10 февраля 1946 года Александр Александрович Фадеев стал депутатом Совета Союза Верховного Совета СССР по Сорочинскому избирательному округу.

ГЛАВА ШЕСТАЯ, из рассказов о буднях депутатских

1

Звонок в Новосергиевку

Из Москвы в Новосергиевку звонят не часто. И утренний телефонный звонок немедленно собрал вокруг аппарата всех, кто в этот час оказался в маленьких комнатках Совета.

— Москва?! У телефона. Да, она самая, товарищ Фадеев? Здравствуйте, товарищ Фадеев, очень рада. Настроение? Вполне нормальное. Урожай хороший, готовимся к уборке. Нет, не подкачаем. Никак, говорю, нельзя подкачать... Какой указ? Пока не слышали. Подписан? Вот спасибо! Ну, конечно же, передам. И вам, Александр Александрович, привет. Привет от всех.

Хозяйка кабинета положила трубку на рычаг, обвела взглядом присутствующих и сказала:

— Подписан указ. Наш. Тот самый.

И не было человека, который бы не понял...

...До городского звания Новосергиевка не доросла, но и селом ее не назовешь никак.

Довольно большая железнодорожная станция. Промышленные предприятия. Наконец, давняя «столица» крупного района. На языке географов, «типичный населенный пункт, относящийся к категории рабочих поселков». Так он и значится со времени памятного фадеевского звонка.

А до этого существовало как бы две Новосергиевки. Одна — станция и дома вокруг нее. Вторая — все остальное. В разных частях географов, «типичный населенный пункт, относящийся к категории рабочих поселков». Так он и значится со времени памятного фадеевского звонка.

Каждый Совет вел свою линию в застройке. Различной была организация и оплата труда в больницах, в школах. Даже магазины, расположенные в полукилометре один от другого, продавали товары по разным ценам.

Несуразность? Несомненно. А устранить ее на месте не могли. Писали. Убеждали. Хлопотали. Но все оставалось без перемен.

Из разговоров с избирателями Фадеев узнал об этом.

Сам проверил. Убедился: да, так оно и есть на самом деле. И неожиданно Фадеев стал резким.

— Говорите — писали? Говорите — требовали? По какому праву отступили? Как смели примириться? Ведь не личное — государственное это дело. Надо было стучать во все двери!

И вот звонок: Новосергиевка — рабочий поселок. Значит, Совет один — поселковый. Хозяин всему он. Работа пойдет по-новому.

— Рассерчал тогда Александр Александрович, — неожиданно сказал кто-то из свидетелей телефонного разговора.

— Рассерчал, а помог, — вставил другой.

— Что говорить, помощь настоящая! — сказала председательша.

— Но и урок тоже немалый. Нам всем урок.

2

«Боевые ребята»

Тайманкиных в Пронькино полсела.

А мне... мне нужны были три брата, о которых я знал лишь то, что все они фронтовики и на войне потеряли четвертого.

Я шел по следам записки. Вот она: «Очень прошу принять этих боевых ребят и помочь им. Это двое братьев Тайманкиных, а у них еще есть и третий, тоже фронтовик (а четвертый погиб на фронте). Они хотят обрести специальность, хотят учиться. Надо бы им посоветовать что-нибудь подходящее и для вас, и для них, и помочь им. С дружеским приветом А. Фадеев».

Записка была обращена к Андрею Иосифовичу Малютину, в то время секретарю Сорочинского районного комитета партии.

Он ее и сберег.

Но Тайманкиных Малютин помнил смутно. Ничего удивительного, много людей тогда обращалось в райком, уважить старались каждого, фронтовиков особенно. Кажется, определили в школу механизаторов.

— Спросите пронькинских, — посоветовал он. — Уж они-то знают.

Председатель сельского Совета Павел Романович Ерошкин перезнакомил меня чуть ли не со всеми Тайманкиными. В том числе с Петром, Павлом и Прокофием — продавцом, бухгалтером и охранником. Да, воевали. Да, брат сложил голову в боях с фашистами. Фадеева? Как же, читали. Хороший человек. Депутатом был — во все выикал. Какая нужда — из самой Москвы узнает, совет-помощь даст. Сами? Сами они не обращались. Это, верно, другие. Дмитрия, тракториста, надо спросить. Или Михаила, шофера. Или Филиппа, тоже механизатора. И их четверо братьев на войне было. Егор не вернулся. Так и в записке сказано. Все, значит, сходится.

«Сходится! Все, как у нас! — подтвердил Дмитрий. — Фадеева Александра Александровича видели. Он же по всем селам ездил. И слушать его приходилось. Не красно, да мудро говорил. После такой войны, сказывал, трудности побороть нелегко, а только поборем беспременно. Вы теперь видите, каким наше село стало?»

Записка не относилась и к ним. Но нить дали именно они.

Уходила воевать из Пронькино еще одна семья Тайманкиных: Александр, Николай, Петр и Василий. Вернулись сразу после войны двое, потом приехал еще один, а Василия так и не дождалось. Однажды, разговорившись, кто-то из братьев рассказал про свое знакомство с «самим Фадеевым». Мол, прочитал кто-то из них, что писателя в Верховный Совет земляки избрали, пожалел — не довелось повидать и, когда возвращались через Москву, надумал: «Забежим к депутату, познакомимся». И познакомились.

— А где они сейчас?

— Обучились на механизаторов, в колхозе работали. Ничего не скажешь, работали хорошо. А потом—помните? — призыв был: на освоение новых земель. Изъявили желание в Голодную степь. Там и теперь. Обжились, семьи завели. Только слышали, будто в родные места тянет. Пусть едут—примем.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ, вводящая нас в историю многих оренбургских библиотек и клубов

1

Сигнальный экземпляр

Сельвинский. «Контрольный экземпляр». Пришвин. «Сигнальный экземпляр». Головки. «Контрольный...» Адалис. «Сигнальный...»

Я не в книжной палате столицы — в библиотеке небольшого районного городка. Но откуда здесь книги с такими штампами?

Оттуда же, откуда и эта, с дарственной надписью известного писателя: «Дорогому Александру Александровичу — от всей души и сердца, с глубокой благодарностью...»

Книги — из личной библиотеки Фадеева.

...Книг в Сорочинской библиотеке было мало. Читатели непритязательные еще кое-как мирились. Читатели «со стажем» выбывали один за другим. Фадеев узнал об этом уже в первую свою предвыборную поездку. Узнал, удивился и обещал помочь.

Месяца два спустя от него пришло письмо: «Я уже зондировал почву насчет пополнения Вашей библиотеки». Но — не скрывал депутат — «зондирование» оказалось неутешительным. Москва занималась комплектованием библиотек для городов и сел, которые находились на территории, разграбленной фашистами; книги направлялись прежде всего туда.

И вдруг книги стали приходить — день за днем, посылка за посылкой. Новые издания классиков... Только что вышедшие романы и повести... Томики стихов военных лет и первого мирного года... На многих были типографские штампы: «контрольный...», «сигнальный...» На некоторых оказались дружеские надписи и посвящения.

Их прислал Фадеев.

Они были ему дороги, книги друзей. Но у него в шкафах эти тома и томики стояли как сувениры, как реликвии, а в Сорочинске людям нечего было читать.

...С волнением касаюсь я книг из фадеевских посылок. Во многих руках побывали они, иные зачитаны до дыр, но кажется, что и поныне сохраняют они тепло его рук, его глубокие раздумья.

«...Я не теоретик, — но так подумаешь — и получается, что укрупнение было своего рода коллективизацией уже коллективной собственности!»

«...И у коллектива свой характер. И коллектив требует воспитания. Разве не так?!»

«Как важно, чтобы колхозный вожак, стараясь материально заинтересовать колхозников в успехе артельного хозяйства, сам прежде всего был человеком идейным, высоких коммунистических принципов, готовым пренебречь ради них всеми материальными выгодами...»

Мысли о земле и ее людях, о сельской жизни во всех проявлениях...

Нет-нет, знатоки литературного наследия писателя не найдут этих высказываний ни в написанных Фадеевым романах, статьях, письмах, ни даже в записных книжках, к которым и мне и вам уже довелось обращаться. Строки, приведенные тут, написаны не Фадеевым.

Выписки сделаны мною из книги Михаила Жестева «Под одной крышей», выпущенной «Советским писателем» в 1955 году.

Как внимательно читал Александр Александрович эти «очерки из жизни одного отстающего колхоза»! Вместе с автором он думал, переживал, искал ответы на «больные вопросы», и черточки под печатными строками — то легкие, то жирные — выделяли самое важное, а змейки на полях говорили: такое я мог бы сказать сам.

И мне понятно: Фадеев против жизненной философии Егора Васильевича, для которого главное — уложиться в срок и выполнить план, а остальное — зажиточность колхозников, механизация, агротехника — дело второстепенное.

И нет у меня сомнений, что Фадеев думает о красоте так же, как герой очерков Темляков: «И вдруг эту красоту Темляков увидел не в восходе солнца и не в рассветной тишине, а в несметных богатствах земли. Вот он стоит среди высоких трав, которых хватит, чтобы прокормить большое стадо; вот там, за рекой, уже золотятся хлеба; а дальше, на горизонте, колхозные леса, способные дать топливо и жилье десяткам деревень.

Так почему же Замостье не может воспользоваться этим богатством, не чужим, а своим богатством?»

«Новая красота» — оставляет Фадеев на полях. Он убежден: красота должна служить людям. Убежден потому, что знает, чем живет деревня, и знает не понаслышке — из самой жизни...

Открываю еще одну книгу: Валентин Овечкин, «На переднем крае»... И снова встречаюсь с Фадеевым, вхожу в круг его дум.

Змейка вдоль текста: «Мне, жившему ближе к ним, многое в их колхозах — и хорошее и плохое — было виднее. Чувствовалось, что у самих председателей в душе осталось еще что-то от мужика, от крестьянской ограниченности. Все для нашего колхоза, а что за нашими межами — хоть пожаром сгори. Любить колхозное, как свое, — этому они научились». Толстая, густая «галочка» — и главная мысль: «А дорожить государственным, как колхозным, этому им еще надо было научиться».

О чем вспоминал он, выделяя эти строки? Что приходило ему на память?

... Книги с его пометками — это как бы эстафета мыслей большого человека. И не случайно, что поделился он ими — книгами и мыслями — с близкими ему людьми, с сорочинцами...

2

Из писем депутата Фадеева

Оренбургский обком ВКП(б), тов. Н. С. Шебаршову.

Дорогой Николай Сергеевич!

Посылаю Вам письмо библиотекарей Дома пионеров в г. Чкалове с просьбой помочь им.

Нельзя ли дать указание областному библиотечному коллектору, чтобы он, при всех нехватках в области литературы, с большим уважением относился к потребностям пионеров?

Если будет время, напишите мне, удалось ли им чем-нибудь помочь.

апрель 1947 г.

Дирекция средней школы
зерносовхоза им. Магнитостроя
т.т. Выжулл, Кузьмину, Широкову и Корчаку

Дорогие товарищи!

Не считайте, что мое долгое молчание вызвано невниманием к Вашей просьбе.

Оно вызвано тем, что я пытался и для Вас, и для некоторых других школ и клубов выхлопотать библиотечки через культпросветотдел Совета Министров РСФСР, но мои попытки не имели успеха в связи с тем, что библиотечки формируются только для местностей, пострадавших от немецкой оккупации. Чтобы в некоторой степени удовлетворить Вашу нужду, в ближайшие дни направлю Вам посылку — ряд книг из моей личной библиотеки. Тогда же перешлю Вам и экземпляр «Молодой гвардии».

Январь 1948 г.

3

Вспоминает А. Морозов

...После войны в мордовском селе Кузлы, находящемся в сорока километрах от районного центра Пономаревки, плохо было с организацией культурно-массовой работы. Особенно остро ощущалась нехватка книг.

Секретарь комсомольской организации колхоза «Путь к коммунизму» Григорий Никитин посоветовался с товарищами, и все вместе они приняли решение обратиться за помощью к Фадееву. В мае 1946 г. депутату послали письмо.

Месяца через полтора колхозная молодежь получила от Александра Александровича девять посылок с художественной литературой. Многие книги были с дарственными надписями Фадееву.

Такие же посылки пришли в Деминскую начальную школу.

И в школе, и в колхозе библиотеки называли «фадеевскими»...

4

«Я поддержал бы...»

Все, что касалось культуры села, воспринималось им с особой остротой.

...Это письмо пояснений не требует.

«У меня есть сведения, что некоторым членам драматического кружка при Мустаевском Доме культуры присуждены грамоты за участие в смотре художественной самодеятельности и что Мустаевскому Дому культуры за первенство в олимпиаде присуждена премия в 700 рублей, но уже более полугода Дом культуры и члены кружка не могут получить этой премии и грамот.

Очень прошу Вас нажать, где следует, чтобы удовлетворить законные претензии драмколлектива Мустаевского Дома культуры.

Судя по всему, драмколлектив работает в жалких условиях, вероятно, при всех недостатках — можно кое в чем помочь драмколлективу со стороны районных организаций. Мне кажется, что в условиях районной жизни работа драмколлектива — это большое культурно-просветительное дело. На месте районного руководства я поддержал бы работу драмколлектива, как и всего Дома культуры, с не меньшим энтузиазмом, чем наше правительство поддерживает Большой театр или Художественный театр в Москве.

Конечно, у Вас возможности меньше, но ведь Ваш Дом культуры и Ваш театр тоже поменьше. Но, однако, они представляют из себя культурное лицо района.

Желаю Вам всего доброго.

Депутат Верховного Совета СССР А. Фадеев*.

Письмо адресовано секретарю Мустаевского райкома партии товарищу Щанкину. Писал его Фадеев в ноябре сорок шестого.

Мустаево — большое село, отдаленное от железной дороги на полторы сотни километров. Когда-то такие места называли «глухоманью», «медвежьими углами», «краем света». Теперь же и на «краю света» люди жадно стремятся к культуре, развивают ее, двигают вперед.

На письмо Рыбинского, Оганенко, Карповой, Горячева и других мустаевских любителей он ответил не только пожеланием успехов, а и деловым обещанием: «Пришлите мне список самых необходимых в Вашей работе предметов и материалов,— я постараюсь добыть их Вам в Москве». Но помощь, внимание нужны им не только сегодня — постоянно. Как можно недооценивать такую силу, упускать ее из виду?

И, посмотрев на карту своего избирательного округа, где среди множества населенных пунктов Мустаево не выделялось ничем, Фадеев подчеркнул слова, которые выражали самую суть его взгляда: «...поддержал бы работу драмколлектива... с не меньшим энтузиазмом, чем наше правительство поддерживает Большой театр»... Без этих слов, которые в первый послевоенный год впервые прочли в оренбургском селе, мне трудно сейчас себе представить любую монографию об искусстве народа и партийном к нему подходе.

5

Очки на столе

Коль скоро с библиотеки в Сорочинске я начал, ею главу и закончу. Книги, присланные Фадеевым, сразу увеличили приток читателей, и тесно стало в маленькой комнатухе на дальней улице. Перевели

в другое место — под библиотеку отдали две комнаты в здании военкомата. Однако радость оказалась недолгой — теснота настигла вновь.

И явилась дерзкая мысль: строить.

Как и всюду, в Сорочинске строили немало.

Появились новые заводские цехи и новые мастерские. Открывались детские сады и магазины. На улицах можно было увидеть только что воздвигнутые жилые дома. Что касается учреждений культуры, то их новоселий тут не помнили с давних пор.

Дом культуры разместился в довольно старом здании бывшего кинотеатра «Форум»; под кинотеатр приспособили церковь...

Библиотеку же надумали строить заново, с первого кирпича!

Строил весь Сорочинск. Открывал весь район. Это произошло уже после смерти Фадеева.

...Библиотека растет — главная в своем районе и одна из лучших на все Оренбуржье. А на столе, простом письменном столе, лежат очки с узенькими стеклами и серебряными дужками. Очки, хранящие негасимое, лучистое тепло фадеевских глаз. И, кажется, теплом их согреты все залы, все закоулки этого дома.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,

и вновь о письмах, вновь о людских судьбах

1

Дело о «выеденном яйце»

«Пересылая копию заявления учительницы Стрельниковой О. И. и копию моего письма председателю Чкаловского облсуда, прошу Вас поддержать перед облсудом мою просьбу об отмене приговора Сорочинского нарсуда в отношении учительницы Стрельниковой О. И., поскольку ее «дело» не стоит выеденного яйца»...»

Фадеев рассержен. Фадеев возмущен.

А лишило его равновесия письмо из Сорочинска.

...Два курса Стрельникова училась очно. Затем обстоятельства сложились так, что ей пришлось переводиться на заочное отделение и устраиваться на службу. Определили по будущей специальности, в среднюю школу районного центра. И она работой и школа молодым историком были довольны. Не отставала в институте — за третий курс сдала полностью. Вместе с коллегами готовилась к встрече нового учебного года. Но... в канун занятий из районного отдела народного образования прибыл приказ о переводе ее преподавателем географии.

Учительница не согласилась. И началась чехарда: то Стрельникову посылают в отдаленную начальную школу, то определяют в вечернюю, то переводят в соседнюю семилетку. Ради чего? Это выяснилось тогда, когда вместо нее пришла вести историю жена директора яично-птичного комбината.

Обиженная и возмущенная, она выехала в областной центр. Отсюда последовало указание прекратить беззакония. Стрельникова — в поезд и домой. Заведующий районо — тоже в поезд, но ...в облоно. Без его приказа учительницу не допускают к делу, а он не едет ни на третий, ни на пятый день. Наконец возвращается. И ...подает на нее в суд: «Прогул!» А в суде разбираться долго не стали. Приказ о переводе был? Был! На работу не вышла? Не вышла! Значит, виновата. В общем, осудили...

Не поверить Стрельниковой Фадеев не мог. Он написал в Сорочинск: как допустили? почему не пресекли?

Ушло письмо в областной суд: «Это так называемое «дело» является надуманным и склочным».

Еще одно письмо было отправлено в облоно: «дело» не стоит выеденного яйца».

Прямо. Резко. Гневно.

Обидели человека. По какому праву? Он этого не потерпит — ни в случае со Стрельниковой, ни в любом другом!

...Шуркина тоже сорочинская — воспитательница в детских яслях. Десять лет с малышами, любит их, смысл жизни в этой работе видит — и вдруг уволена: «нет специального образования». А как пишет! Грамотная, разумная, серьезная женщина. С хорошей, щедрой душой. Сейчас она ждет ответа. Что ж, кривить душой Фадеев не станет, мнение выскажет без утайки. «Я считаю увольнение Вас с работы несправедливым, основывающимся на формально-бюрократическом поводе». Да, он так считает и не успокоится, пока решение не будет пересмотрено. «Поддерживаю просьбу Шуркиной В. Ф. о восстановлении ее на работе в качестве воспитателя детей в яслях... (Это уже в облздравотдел, которому подчиняются все ясли.) Не так уж много людей, имеющих опыт в обращении с детьми, чтобы с такой легкостью отстранить работника в этой области, любящего свое дело». Не хватает знаний? Почему бы не послать на курсы повышения квалификации, не предоставить возможности учиться? Правота на вашей стороне, воспитательница Шуркина...

И на вашей, товарищ Рязанова! Это письмо будет отправлено главному врачу оренбургского курорта «Красная поляна». Письмо о вас: «Считаю, что А. М. Рязанова права в своей жалобе: она вдова офицера Советской Армии, погибшего на фронте, имеет троих детей. Ее просьба отложить ее переселение на другую квартиру до весны вполне законна... Со своей стороны считаю, что дирекция курорта не только следует удовлетворить ее просьбу, но и оборудовать новую

ее квартиру, чтобы квартира была пригодна к жизни в зимнее время... О Ваших мероприятиях прошу поставить меня в известность».

Он приехал в первых числах марта и прямо с поезда отправился по колхозам. Собственными глазами хотелось увидеть перемены, которые произошли в жизни его избирателей. И эти перемены порадовали.

В колхозе имени Шевченко, где в предыдущий его приезд сетовали на примитивное электроснабжение, не обеспечивавшее даже тусклого освещения сельских изб, сейчас показывали и первую электродильную установку, и первый участок электрострижки овец...

В Ратчине появилась улица новых домов — самое веское доказательство роста благосостояния. В сельском клубе он попал на репетицию спектакля по знакомой ему пьесе оренбургского драматурга В. Пистоленко «Степная быль», а позже слушал, как поет колхозный хор...

Беседуя с людьми, он про себя отмечал: иные вопросы задают, другим интересуются. Особенно занимают коренные проблемы внутренней и внешней политики, борьбы за мир.

«Силы мира и демократии непобедимы» — так называлась его большая статья, помещенная в областной газете 8 марта.

«Мы можем и мы обязаны так организовать наш труд повсеместно, во всех областях нашей жизни и строительства, чтобы двигать вперед нашу экономику, благосостояние народных масс, — писал Фадеев. — Против тех, кто работает плохо, у нас есть великолепное оружие — большевистская критика и самокритика...»

Сохранился документ: «Материалы к отчету А. А. Фадеева перед избирателями в 1950 году». В нем перечень сделанного — самый сжатый, и все же впечатляющий. В этом перечне: стройматериалы, добытые для ремонта ветеринарного техникума и детского дома в селе Луговском, санитарная машина, которую получила поликлиника в Сорочинске, и грузовая — для наробразовцев Александровки, пятый—седьмой классы в школе поселка Озерки, реконструированный клуб в Мустаево, библиотеки в школах и колхозах, пьесы на татарском языке, посланные молодежи села Киндельки... Впрочем, не перечислить даже малой толики того, что довелось ему сделать. Четыре тысячи писем — это четыре тысячи просьб, предложений, жалоб, и ни одной не оставил он без внимания. Ни одной!..

12 марта 1950 года Фадеев вторично стал депутатом Верховного Совета СССР по Сорочинскому избирательному округу.

...Три письма из депутатской почты. Три обиды, которые одна за другой прошли через его душу. Фадеев мог быть удовлетворен: люди писали — людям помог. Но почему этого не сделали другие? На месте? Отчего такие письма продолжают идти?

И как-то поздно вечером он позвонил в обком:

— Други мои, подумаем, обсудим вместе...

В том раздумье, в том разговоре приняли участие коммунисты всей области. На повестку дня каждой партийной организации был поставлен вопрос о внимании к человеку.

2

Примечание к газетной заметке

«...В нынешнем году, как и в прошлом, отличилась семья Нейфельд, члены которой работают на всех участках колхозного производства. Лучшей птичницей является старшая представительница этой фамилии — Нейфельд Е. Г.»

Е. Г. Совпадение или ...она?

Екатерина Нейфельд, к моей радости, оказалась не однофамилицей, а именно той, чья судьба встревожила когда-то Фадеева.

Все станет ясно, если вы прочтете его письмо.

«Очень прошу Вас помочь семье гражданки Нейфельд. Я уже несколько месяцев занимаюсь этим делом и не могу добиться правды. Речь идет о разрешении вернуться в колхоз с Орского крекинг-завода старшей дочери — Нейфельд Е. Г. Как это следует из прилагаемых документов и на основании всех прочих, известных мне обстоятельств дела, Нейфельд Е. Г. фактически не может работать на крекинг-заводе из-за острого туберкулеза. А между тем в колхозе она может не только поправиться, но и быть полезным работником и одновременно помочь своей семье, состоящей из старухи матери и пяти младших сестер и братьев...»

Только что закончился сорок шестой — с неизмеримо напряженным ритмом восстановления, с борьбой за решение новых, титанически сложных задач. Не менее трудным обещал быть и сорок седьмой — наступивший. Трудным и жестоким. Десятки, сотни тысяч судеб оставались неустроенными, и, что скрывать, было не до них — этих личных судеб, не до них — «маленьких» человеческих трагедий. Долгие годы отделяли нас от полного восстановления справедливости.

Но не мог он от нее и отступить. Много-много раз встретила мне в его депутатской переписке эта фамилия — Нейфельд.

...Теперь о Нейфельд с уважением пишут в газете. И о той самой «Е. Г.» прежде всего.

Мы с ней в разговоре былого не касались. Но и она и я думали о Фадееве.

— Поезжай-ка, Якич, к депутату!

Он поднял голову. Кто это предложил? Но на всех лицах было одно — одобрение, согласие. Матвей Яковлевич понял: поедет...

...Неделю тому назад он сидел на скамье подсудимых.

— Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики... гражданина Скокова... по статье... к лишению свободы...

Вся жизнь Скокова была связана с родным селом. Сызмала батрачил тут на кулаков. Отсюда ушел воевать за власть Советов. Не кого другого — его избрали мужики первым председателем товарищества по совместной обработке земли. А с двадцать девятого он бесценно во главе колхоза. Лишь однажды с тех пор оставил свою Скоковку — в сорок первом. Однако год спустя вернулся на родную землю. Ту, что являлась его рубежом, его вечной думой. И вот...

За своего председателя вступились колхозники. Они ручались за него всем миром. Удалось, однако, немногое — отсрочить взятие под стражу.

Но зачем ему свобода, если лишен главного в жизни — настоящего дела? Стоит ли жить?

... — Стоит! Непременно стоит, Матвей Яковлевич. Или все дела уже переделаны?

— Куда там, Александр Александрович... Дел невпроворот!

— То-то! Значит, сев провели лучше прошлогоднего? А какие виды на урожай? Как «бог пошлет» или сами возьмете?

Мало-помалу завязался разговор о сельских делах. О технике и людях, о семенах и удобрениях, о земле и погоде...

В комнате по соседству послышался телефонный звонок. Хозяин вышел.

— Да, считаю! Если хотите, — убежден! — услышал Скоков голос Александра Александровича. — Допускаю, что он мог промахнуться. Но главное не в нем. В чем? В ошибочной системе планирования! Я и буду говорить об этом в ЦК... А сейчас речь о человеке, о хлеборобе. С первых колхозных дней председатель ТСОЗа... Он землю поднимать должен, а его вынуждают асфальт московский пахать. Прошу заняться. Приеду сам. Ничего, время найдется!

Значит, между вчерашней вечерней встречей в Союзе писателей и сегодняшней, дома, депутат уже успел дать его делу ход?

— Ну, продолжим наш разговор, — проговорил Фадеев, снова усаживаясь против Скокова. — Мы говорили о...

И только позже, у двери, уже провожая гостя, сказал:

— Все будет по справедливости!

... — Так и вышло, — вспоминает Матвей Яковлевич. — Вернулся домой, а скоро пришел полный пересмотр дела. Оправдали и восстановили. И снова стал я председателем.

Только на седьмом десятке ушел Скоков на пенсию. Ушел со спокойной совестью. Родной его колхоз «Путь Ленина» пошел в гору.

4

Не раз порывался Фадеев выехать в свой дальний избирательный округ. Сроки отодвигались, переносились, срывались, и менее всего повинен был он. Дела, одно другого важнее, заставляли менять планы.

Но был ли день, когда он не выполнял своих прямых депутатских обязанностей? Такого дня не было...

В феврале 1950 года, во время очередной кампании по выборам в Верховный Совет СССР, во всех десяти районах, составляющих Сорочинский избирательный округ, при выдвижении кандидата в депутаты вновь было названо имя А. А. Фадеева.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ, воедино сплетающая дела литературные и депутатские

1

*Из письма к оренбургскому
журналисту И. Зайцеву.*

Уважаемый Иван Карпович!

Ваш рассказ свидетельствует, что Вы можете писать. У Вас есть известное чувство стиля, пишете Вы просто. Достоинством Вашего рассказа можно считать и то, что он написан коротко и ясен по мысли. Но напечатать этот Ваш рассказ еще нельзя. Он лишен большого общественного содержания. Он — это эпизод, случай из жизни, каких немало. Литература же, как Вы знаете, — это художественное обобщение явлений жизни, показ общего через частное, типичного в индивидуальном...

...Я думаю, что Вы на своей работе можете видеть и знать вещи более значительные. Пишите о вещах жизненных, о людях в их трудовых делах. Это не означает, разумеется, что изображение человека в труде должно быть лишено всей полноты жизни. Но труд — это главное.

От всей души желаю Вам успеха.

А. Фадеев.

август 1950 г.

Труд — главное...

Фадеев утверждал то, в чем твердо был уверен сам и что неизменно проводил в своей литературной работе этих лет.

Многообразные общественные дела, которых год от года становилось больше, отвлекали его, конечно, от письменного стола, не давали сосредоточиться на творческих замыслах.

Но они же творчество его и питали. Встречи с людьми, с коллективами позволяли узнавать жизнь во всей ее сложности, выявлять наиболее существенные тенденции развития, наиболее важные конфликты, и как не заметить, что обращение к жгучим проблемам современности, к явлениям сегодняшним произошло у него именно в это послевоенное десятилетие — годы депутатства по глубинному, далекому от столиц округу.

От «Гуртов на дороге», о которых говорил в интервью корреспондент сорочинской районной газеты, писатель шагнул к задаче иной — «показать современную колхозную деревню».

«Складывался уже в голове план повести», — рассказывал он в 1951 году студентам Литературного института, подчеркивая значение своих «наблюдений над жизнью колхозов в первые месяцы после войны».

Замысел, в котором должны были найти отражение и глубокие впечатления, понерпнутые из общения с избирателями, преимущественно людьми села, остался неосуществленным.

Частично он «перелился» в новый роман «Черная металлургия». Думается, что именно постижение трудностей, невзгод и надежд сельских тружеников убедило его: всему основой тяжелая индустрия и ее сердце — металлургическое производство.

1951 год: «Сейчас я работаю над большим романом о металлургах и строителях, над романом, в котором хочу показать наш прогресс, рост наших кадров... Хочу показать роль партии как организующей силы, показать, как мы идем к коммунизму».

1952 год: «В настоящее время я работаю довольно интенсивно над романом о наших советских металлургах, и вся моя жизнь последнего года связана главным образом с такими крупными металлургическими центрами, как Магнитогорск, Челябинск, Днепропетровск, Москва».

Несколько законченных глав романа в 1954 году появилось в печати. Однако продолжения не последовало...

«Роман мой нуждается в очень кардинальных переделках, — писал Фадеев. — То, что было задумано и сочинено... оказалось во многих своих гранях устарелым и даже неверным в наши дни...»

То было признанием настоящего, честного писателя-коммуниста.

Длительное время в эти годы Александр Александрович провел на Южном Урале, в непосредственной близости к Оренбургской области. Тем не менее напряженнейшая литературная работа не давала никакой возможности урвать из месяцев творческого отпуска даже неделю для того, чтобы съездить в Сорочинск.

Но можно получить отпуск от любых служебных дел и нельзя — от депутатских.

К нему по-прежнему шли десятки, сотни писем, он читал каждое, в любом докапывался до сути и старался помочь — помочь делом — людям, которые обратились к нему, депутату. Одного определял в знаменитую одесскую глазную клинику, другому содействовал в получении положенных льгот по госпоставкам, третьему добивался заслуженной пенсии — сколько писем, столько судеб.

Из воспоминаний А. Морозова

...Ученица 10-го класса Пономаревской школы Аня Соседова тяжело заболела. Ее здоровье ухудшалось с каждым днем, она не могла ходить и все время проводила в постели. Врачи районной больницы беспомощно разводили руками.

Девушка написала Фадееву. Письмо от него пришло быстро. В нем сообщалось, что Аню будут лечить в Оренбурге. За больной прислали санитарный самолет. 8 месяцев она пролежала в областной больнице. Фадеев со своей подопечной помнил и однажды прислал письмо ее родителям, спрашивая, что, мол, и как.

Анна Соседова вернулась домой здоровой.

Свидетельствует М. Давыдов

...Мне приходилось несколько раз обращаться за содействием к нашему депутату. И всегда получал от него помощь.

Наша Новомусинская школа испытывала, например, острый недостаток в учебниках для старших классов. В условиях «глубинки» возместить такой пробел чрезвычайно трудно. Александр Александрович понял это и помог: учебники пришли в достаточном количестве.

Он был близок и доступен каждому, внимателен ко всем, кому требовалась его помощь.

Хотелось бы пройти по следам всей его депутатской почты, всех его депутатских забот. Отчетливо представляю себе большой, фундаментальный том «Литературного наследства» с незамысловатым

названием: «Переписка А. А. Фадеева с избирателями». Или короче: «Фадеев-депутат». Эпиграфом к нему я поставил бы слова Веры Инбер: «Фадеев не терпел нейтральных в борьбе».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ, заканчивающая это документальное повествование.

1

Из письма к А. Ф. Колесниковой (март 1956 г.)

...Учитывая, что я пишу большой роман и часто болею, мне предоставили возможность так изменить характер работы, чтобы она не была связана со служебными часами и частыми поездками. Как один из секретарей Союза писателей, я по-прежнему не свободен от излишних и увы! чрезмерных (по затрачиваемому времени) заседаний; но теперь я принимаю писателей только по своему выбору, а не «сплошняком» и — на дому; и работа у меня не административно-организационная, а более интеллектуальная: доклады, статьи, чтение рукописей, переписка с писателями на периферии, беседы с начинающими, очень много редакторской работы и т. п. За границу меня посылают теперь значительно реже — только в тех случаях, когда я здоров и сам соглашаюсь ехать. Но зато мне приходится больше уделять времени работе Советского комитета защиты мира и особенно встречаться с делегациями из-за границы, что является делом довольно канительным, хотя и важным и часто интересным в смысле познавательном. Но что возросло до геркулесовских столбов — так это многосторонняя деловая переписка с самыми разными людьми, помощь им в самых различных жизненных просьбах. Я уже не говорю, насколько выросло количество депутатских дел, поскольку я уже третий раз избран от одного и того же округа и меня уже хорошо узнали в этих местах Чкаловской области...

2

В феврале 1954 года Фадеев был выдвинут кандидатом в депутаты на третий срок.

В городах и селах округа ждали новых встреч с писателем.

...На этот раз приехать он не смог.

От кандидата в депутаты Верховного Совета СССР по Сорочинскому избирательному округу № 352 А. А. Фадеева получена телеграмма следующего содержания: «Приношу свое глубокое извинение перед избирателями за то, что не имею возможности принять участие в предвыборных собраниях и встречах с избирателями в связи с состоянием здоровья».

«Колхозный труд» (Сорочинск), 1954, 12 марта.

Москва, Фадееву

Дорогой Александр Александрович, избиратели Абрамовского избирательного участка № 186 желают Вам скорейшего выздоровления и плодотворной работы на благо нашей Родины, новых литературных успехов. Единодушно отдадим за Вас свои голоса.
И з б и р а т е л и

с. Абрамовка, 1954, 14 марта.

3

Область переживала бурный подъем.

Газетные полосы призывали, будоражили:

— За освоение 1 000 000 гектаров целинных и залежных земель!

Участвовал в могучем всенародном движении и он, Фадеев.

Именно об этом следующий придуманный рассказ.

Жизнь книги

— А его книги в посылках были? Им написанные?

— Были...

...«Молодая гвардия» должна выйти в течение ближайших двух недель. Сразу же пришлось Вам некоторое количество», — так писал он в Сорочинск 1 июня 1946 года.

Когда еще в маленькой библиотеке дождались бы первого издания популярнейшего романа! А тут дорогие книги появились чуть ли не в одно время с самыми крупными хранилищами страны. Да притом не в одном и не в двух — в добром десятке экземпляров.

Из всего этого десятка не смогли показать один-единственный. Специалисты-знатоки назвали бы его «усталым». А я подумал:

бывала книга. Мы часто называем бывалым того, кто много трудился и храбро воевал, изведал горе, лишения, невзгоды, не раз держал суровые жизненные экзамены — и не только выстоял, а и вышел победителем. Почему же нельзя сказать так о книге?

Дарственную надпись Фадеев в свое время сделал только на одном экземпляре. Его мне хотелось отыскать всего больше. Однако я смог обнаружить лишь следы, которые обрывались, не приводя к книге.

...Очередь за «Молодой гвардией» была такой, что сначала пустили по рукам и книгу с автографом. Сколько рук она обошла, кто знает, только потом ее все-таки из оборота изъяли и решили сохранить на память.

Шла весна пятьдесят четвертого. Самым популярным в стране стало простое и звонкое слово «целина». Оно будоражило умы, раскрывало сердца. Не устояли перед ним и бдительные стражи книги — библиотекари.

В один из дней той весны вбежал в библиотеку возбужденный парень и с ходу потребовал:

— «Молодую гвардию»!

Ни на абонементе, ни в читальном зале книги не оказалось.

— Читают, — ответила библиотекаря. И вежливо добавила: — Заходите еще...

Парень посмотрел на нее с недоумением:

— То есть как это нет? Да я за ней специально приехал!

Он горячился, но его горячность на библиотекаря не действовала. Не подействовала бы и дальше, не произнеси парень магического слова: целина.

— Мы, знаете, так решили: выработало звено на целине больше — получай книжку на сутки, обогнали соседи — отдай, хоть и не дочитал. Переходящая книга! Потому как читали ее немногие, а прочсть хотят все... И такое дело сорвали!

Противоречивые чувства боролись в немолодой, строгой женщине. Парень уловил это и стал развивать свои доводы дальше:

— Представьте себе: книга как знамя. Никакая другая не заменит. Только «Молодая гвардия»... Был бы Фадеев ближе — до самого дошел, а ребятам привез!

Тут уж она решилась. Книга с заветной полки оказалась в руках целинника.

Библиотекаря не успела даже адрес записать, как необычный гонец распрощался и исчез.

Справки, конечно, наводили. Но оказалось, что соревнование за право первыми прочесть «Молодую гвардию» было той весной не в одном хозяйстве.

Дар Фадеева в библиотеку не возвратился.

Может, до сих пор книга по рукам ходит или увез ее кто-то из ребят-целинников на новые земли, на новые стройки.

Из воспоминаний А. Малюгина

...Как сейчас помню 1954 год. Вместе с председателем Сорочинского райисполкома П. В. Клягиным мы приехали в Москву по служебным делам. Разумеется, намеревались навестить и своего депутата. Фадеев незадолго перед тем переехал на новую квартиру, в дом, что по улице Горького.

Как всегда, хозяин был гостеприимен, радушен и щедр. Александр Александрович расспрашивал о делах сорочинцев, интересовался жизнью знакомых ему людей, иногда брал что-то «на карандаш».

— Поднимаете целину? Хотел бы поехать, посмотреть, с людьми повстречаться! Да что-то стали мне врачи уделять внимание, притом повышенное...

Посетовал на то, что застопорилась работа над романом «Черная металлургия». «Легковерность наказывается», — сказал он, досадливо махнув рукой.

Потом мы встречались с Фадеевым на его подмосковной даче. Беседа затянулась до глубокой ночи... Он был исключительно простым, человечным...

Из воспоминаний А. Воронкова

В 1955 году я работал начальником коммунальной конторы при тогдашнем Покровском райисполкоме. Подведомственной нам была электростанция районного центра. Двигатель станции, до предела изношенный, доставлял всем много хлопот.

Решили обратиться за помощью к депутату. Командировали к нему заведующего электростанцией т. Балучевского. Александр Александрович принял его как давнего знакомого, пригласил к столу, расспросил обо всем и тут же по телефону стал обзванивать разные ведомства. Ответы не обнадеживали. Тогда он сказал: «Поезжайте домой, а я дело до конца доведу: не гоже районному поселку в темноте сидеть». И как еще помог! Два или три месяца спустя от Фадеева пришло письмо с сообщением о том, что в адрес Покровского райисполкома отгружены новый двигатель-дизель, динамо-машина и алюминиевый провод. Помощь оказалась исчерпывающей — вопрос с электроснабжением был решен...

Что он поддерживал отношения с великим множеством людей, вытекало не только из рода деятельности, но и из самого существа Фадеева. В каждом человеке пытался он откопать самое ценное и в случае надобности это и приводил всегда как довод. Такое

отношение к людям — «суди о них с лица, а не с затылка» — Фадеев методично выработывал в себе, считая его, очевидно, необходимым для литературного и политического деятеля. А в том, что его не всегда удавалось претворить в жизнь, виноват был не только Фадеев.

А н т а л Г и д а ш.

ПАМЯТНИК

(Вместо послесловия)

Даже москвичи, которые проходят улицей Горького не один раз в день — постоянно озабоченные, всегда куда-то спешащие, и те не упустят случая взглянуть на строгий барельеф с фадеевским обликом.

Тут он жил. Тут творил.

Но только ли тут?

Я стою у чеканного барельефа, что на мраморной плите московского дома, а перед моими глазами та же голова, тот же взгляд, но памятник другой, далеко от столицы — в Сорочинске.

Не величественный, монументальный, как на Миусской площади столицы; мне посчастливилось участвовать в торжестве его открытия.

«Александр Фадееву» — высечено на непритязательном постаменте, несущем на себе столь же скромное изваяние: бюст человека с лицом мудрым и простым, таким, каким запомнили его тысячи людей.

Открытие памятника состоялось в один из декабрьских дней 1960 года.

На площадь у только что выстроенного здания районной библиотеки съехались отовсюду: из Новосергиевки и Шарлыка, Александровки и Яшкино, из многих дальних и ближних сел.

Кто бы ни говорил — старый колхозник Михаил Сергеевич Сухомлин, юная школьница Тоня Мухина, рабочий, писатель, секретарь райкома, — в каждой речи звучало одно: Фадеев с нами.

Оренбургская земля не богата цветами. А памятник в центре Сорочинска в цветах всегда. Вот и недавно, когда я приезжал туда снова, взгляд мой порадовался яркой цветочной волне, что подступала к самому постаменту.

Но больше, чем краски этого живого ковра, взволновал меня прислоненный к памятнику сноп. Тугой, налитой зерном, золотой сноп знаменитой русской пшеницы... Первый сноп нового урожая...

И подумалось: сама земля воздаст почет.

Леонид Наумович Большаков
СЕНАТОР ОТ ШТАТА СОРОЧИНСК

Редактор В. П. Енишерлов.

Технический редактор Е. Н. Щукина.

Сдано в набор 23.09.81. Подписано к печати
30.11.81. А 00472. Формат $70 \times 108^{1/32}$.
Бумага газетная. Гарнитура «Школьная».
Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Учетно-
изд. л. 2,81. Тираж 100 000 экз. Изд. № 2619.
Зак. № 1341. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской
Революции типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина, 125865. ГСП, Москва.
А-137, ул. «Правды», 24.

ХИМЧИСТКА НА СТРАЖЕ ЗДОРОВЬЯ

Загрязнившаяся одежда
плохо пропускает воздух,
не удерживает тепло,
на ней скапливаются
болезнетворные микробы.
На предприятиях химчистки
с одежды удалят пыль и пятна,
пропитают ее бактерицидным составом.
После обработки антистатиком
одежда станет лучше отталкивать
частицы пыли, а аппретирование
придаст ей водоотталкивающие свойства.
Лучший способ восстановить
гигиенические свойства одежды —
ХИМИЧЕСКАЯ ЧИСТКА.

Росбытреклама